

Александр Кушнер
ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ
Книга новых стихов

Серия «Поэтическая библиотека»

Александр Кушнер — автор десятков книг, лауреат многих литературных премий. Иосиф Бродский назвал А. Кушнера «одним из лучших лирических поэтов XX века». По словам самого поэта, «книга стихов дает возможность поэту, в обход эпического жанра, поэмы, повествовательного сюжета, создать целостную картину мира из осколков ежедневных впечатлений... это пылающий кусок жизни, отчет лирического поэта за несколько лет счастливого труда». «Земное притяжение» — книга новых стихов, написанных за последние три года.

александр кушнер

земное притяжение

Книга новых стихов

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Прохожий с глобусом в руке,
Держа его за ось земную,
Прошел от нас невядалеке,
Но только в сторону другую.

Чем не Коперник, не Лаплас?
Быть может, Дарвином сейчас
Себя он чувствует на «Бигле»?
Пронес он Землю мимо нас.
Верни ее, мы к ней привыкли!

Да, прекрасная затея,
Но какой кошмар кругом!
Не спросить ли Галилея
Ночью как-нибудь тайком,

Выбрав тихую тропинку —
Не парадные пути:
Может быть, пора в починку
Мирозданье отнести?

В нем какой-то непорядок,
Что-то надо подкрутить.
Звезды чувствуют упадок
И усталость, может быть?

Сколько слез! Ничто не мило.
Отвечает Галилей:
— Боже мой, всегда так было!
Иногда еще страшней.

У кораблика речного нет названья,
Только номер, и почти не видно дыма.
Он, похожий на последнее желанье
Осужденного на казнь, крадется мимо.

Кто плывет на нем — под стать царю Улиссу,
Повидавшему Коцит, и Стикс, и Лету.
Этот город с дном двойным и виден снизу
По-другому, чем прижавшись к парпету.

Так темна моста чугунная изнанка,
Словно вдруг цветной ковер перевернули.
Разговор под ним звучит, как перебранка,
Как ночная перекличка в карауле.

Всхлипы, жалобы, полуподвальный холод,
Ветерок потусторонний гладит темя.
Всё казалось: навсегда нам этот город
Дан в подарок, — нынче вижу, что на время.

Наша тень любознательней нас
И зайти норовит за ограду,
Где клубятся кустарник и вяз,
И взобраться наверх по фасаду,
И припасть к обнаженным ногам
Застоявшейся кариатиды,
И к чугунным прильнуть завиткам,
И прилечь на гранитные плиты.

Рисковала собой столько раз!
Что ей ров, что зубцы, что бойницы?
Наша тень безрассуднее нас
И храбрей, ничего не боится.
Любопытной, не терпится ей,
Наши беды презрев и заботы,
Оторваться от нас поскорей
В предвкушение грядущей свободы.

ЗАМОК

Анатолию Кулагину

Если ты почему-либо должен остаться в городе,
На поездку, допустим, в Италию, денег нет,
Или старость пришла — и во всем ее долгом опыте
Разъездной больше прочих тебя утомил сюжет,

Или ты одинок — и тебе одному не хочется
Путешествовать, не перемолвясь ни с кем словом,
Или мало ли что, скажем, тень за тобой волочится
Неизжитой беды, наливая ступни свинцом, —

К замку, к замку пойдя, что с одной стороны Фонтанкою,
А с другой узкогрудую Мойкою окаймлен.
К замку, к замку, с английской надменной его осанкою,
Бренна был итальянец, и всё же романтик он,

В замок, в замок, во двор его внутренний, — нечто странное
Ты увидишь, такое, чего не видал нигде, —
Замкнутое пространство граненое, восьмигранное,
Ни на что не похожее, как на другой звезде,

И поставленный сбоку, в горящем на солнце золоте
Шпиль, — как зодчий додумался, чтобы он так стоял?
Кто-то спрашивал: ваше любимое место в городе?
Не хотел никому говорить, а сейчас — сказал.

ДЕВЯТЬ ТОПОЛЕЙ

Вот девять тополей стоят в одном ряду.
Зачем мне надо знать, что девять их, — не знаю!
Но я их сосчитал, как будто на посту
Стоящих, стройный ряд — не группу и не стаю.

И более того, когда случится мне
Еще раз здесь пройти, пересчитаю снова,
Как если был бы я уверен не вполне
В себе; быть может, в них? Ну да, а что такого?

Где девять, почему б десятому не быть?
Подвинулись чуть-чуть — и встал меж них десятый.
Ты спросишь: для чего? А чтобы удивить
Меня. Волшебный ряд, дымящийся, крылатый!

Фабричный кирпичный район городской,
Унылая местность — и если какой
В нем дом приютится, то как он печален,
Как будто подавлен своею судьбой,
Его как бы нет, он почти нереален.

Живут ли в нем? Или пустой он внутри?
На окнах висят занавески, смотри,
И ящик, а в ящике этом цветочки —
О, желтые бархатцы, как янтари,
И ровно посажены, как по цепочке.

Неважно, что склады кругом, гаражи.
Цветочек, качайся, стекло, дребезжи,
Греми, грузовик, проноситесь, фургоны.
У жизни и здесь, в петербургской глуши,
Свои оправдания есть и резоны.

А кто говорит, что наскучило жить,
Его бы сюда привести, предъявить
Ему этот дом с задымлённым фасадом.
Есть чем утешаться, есть чем дорожить
И рядом с заводом, и рядом со складом.

В ГОСТЯХ

О смерти зашел разговор за столом,
И кто-то сказал, что когда бы комета
Грозила Земле — и всё сразу на слом
Пошло, то его бы устроило это,
А страшно, сказал, умирать одному.
И сказано было: лишить его слова!
И он, стушевавшись, спросил: почему?
Его пристыдили. И выпили снова.

Снежок под ногами лоснился, скрипя,
Чугунная тумба стояла, как в шлеме,
И я по дороге проверил себя:
Хотел бы я смерти нестрашной, со всеми?
Представил, что нет ничего впереди
У этого сада, ночного трамвая, —
И понял, что я по-английски уйти
Хотел бы, о гибели общей не зная.

ЗАБЫВЧИВОСТЬ

Всё куплю, а спички позабуду
Иль таблетку третью не приму,
Отвлеченный чем-то на минуту,
Позвоню, забывшись, не тому
И, себя ругая и жалея
И смущая стоном небеса,
Вспоминаю бедного Тесея,
Перепутавшего паруса.

А ведь он, несчастный, был моложе
И в подземном мраке победил
Минотавра дикого — и что же?
Черный цвет на белый не сменил!
Знал бы он, от Крита отплывая
В темноте, тайком, на склоне дня,
Что его оплошность роковая
Утешеньем служит для меня.

ПИКОВАЯ ДАМА

Что-то в «Пиковой даме» такое было,
Что меня еще в детстве заворожило,
Не про повесть — про оперу говорю.
Так от музыки этой меня знобило,
Что Чайковского втайне благодарю.

Может быть, и Флоренция виновата,
Где писал композитор ее когда-то,
Зной Флоренции северу предпочесть
Пожелав, раззолочена, тесновата,
Виновата — и всё! Почему, бог весть!

Предвкушенье какого-то зла, удара,
Приближенье затейливого кошмара,
Дамы пик с ее бледностью гробовой.
Повторение: та-ра-ра-ра, та-ра-ра.
Из театра под снегом домой, домой.

Что-то в музыке есть, что страшнее слова.
Может быть, потому, что она готова
Так и этак мелодию повторить
Ту же самую: завтра вернется снова,
Как бы ты ни старался ее забыть!

Не было тайны такой,
Чтобы она не раскрытой
Так и осталась в земной
Толще, веками забытой,
Подняты все корабли,
Что затонули, все клады
Найдены, Трою нашли,
Все обнаружены яды.

Древние все письма
Поняты, все неувязки,
Суть преступлений ясна,
Сняты железные маски,
И поэтессы нагой
Найденный чуть не в чулане
Чудный рисунок живой
Сделан рукой Модильяни.

Видишь: пропавшего нет.
Просится тайна наружу,
И открывает секрет
Нам свою темную душу,
Значит ли это, что смысл
Жизни к нам выйдет из мрака
Смерти, как из-за кулис
Гамлет, а может быть, Яго?

ПОЛНОЛУНИЕ

...Златые стекла рисовала

На лаковом полу моем.

Державин

Не зажигая свет,
Я в комнату, как в зал,
Вошел, в халат одет,
И «Здравствуй!» — прошептал
Державинской луне,
На комнатном полу
Писавшей что-то мне,
Надеюсь, похвалу.

Надеюсь потому
(Луна, какая честь!),
Что, раздвигая тьму,
Стихи мои прочесть
Смогла в полночной мгле,
Одобрить и понять:
Лежала на столе
Раскрытая тетрадь.

И комната моя
В мерцанье золотом,
Как будто полынья,
Подёрнутая льдом,
И впрямь была на зал
Похожа в этот миг,
Так лунный раздвигал
Ее скользящий блик.

И, глядя на луну,
Страхнув остатки сна,
Я думал: ну и ну,
На свете есть луна,
Не выдумка луна,
Она и вправду есть,
Светла и холодна,
Ни золото, ни жесь.

И встретится мой взгляд
С державинским на ней,
И никаких преград,
Ни смерти, ни скорбей,

Ни горя, ни веков,
Померкших вдалеке,
А только ряд стихов,
Не тонущих в реке!

В САДУ

Может быть, кажется этим дубам и кленам,
Липам и вязам, что люди им только снятся:
Свойственно людям во мраке тонуть зеленом,
Под шелестящей завесой уединяться
Или, присев на скамейку на солнцепеке,
Щеки лучам подставлять после зимней стужи.
Любят они и кустарник ветвисторогий,
Даже задумавшись, ловко обходят лужи,
К ним привыкаешь, в аллеях они гуляют
Десять лет, двадцать, им нравятся блеск и тени,
Но непременно куда-то вдруг пропадают,
Были — и нет, наподобие сновидений.

НА ПАРОМЕ

1

От дебаркадера в ночь на пароме,
Крадучись, медленно мы отошли.
Кажется, делаясь всё незнакомей,
Всё непонятней для твердой земли.

Только что самым высоким из зданий
Были — и вот нас у пристани нет:
Стали одним из разрывов, зияний,
Всё ощутимей и шире просвет.

Словно внезапно отпал от России
Пирамидальный, скалистый кусок,
Подняли якорь и в ночь заскользили,
Сделали воздуха свежий глоток.

Дело не в Хельсинки и не в Стокгольме,
Как поначалу рассчитывал ты,
Странную, тайную выбрали роль мы
Призрака, тени, плавучей звезды.

Мимо пакгаузов, верфей и доков,
Прочь от привычек, страстей и забот,
Скорбно, торжественно и одиноко
В Финский залив, в мировой небосвод.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.